

• СОДЕРЖАНИЕ •

Инна Бачинская
ЛЮБОВЬ, ОБМАН И ЭКЗОТИКА

7

Марина Крамер
ТАНГО В ДОЖДЛИВОМ ГОРОДЕ

58

Галина Романова
«СЧАСТЬЕ ПО ПУНКТАМ»

103

Татьяна Устинова
ПОЭТ И ХУДОЖНИК

145

Анна и Сергей Литвиновы
БЕЛЫЕ НОЧИ, СИНИЕ ДНИ

156

Дарья Калинина
ПОЛЕТ НА МЕТЛЕ

196

Альбина Нури
ЗОЛОТАЯ СТРЕКОЗА

250

ИННА БАЧИНСКАЯ

• ЛЮБОВЬ, ОБМАН И ЭКЗОТИКА •

Отправимся, о душа, в Индию! Там оживают мифы Азии и древние сказки...

*Уолт Уитмен
Отправимся в Индию*

Трещат сосновые дрова, распространяя пряный запах смолы; пламя вырывается за решетку камина — от него идет тепло, и дерганый красноватый свет наполняет комнату. Люстра не горит; на журнальном столике, кривовато сбитом из старых досок в стиле рустик, стоят открытая бутылка красного, бокалы и глубокая тарелка с крупно нарезанным ананасом. Аромат смолы смешивается с запахом ананаса и тонким, чуть кисловатым винным

в невероятно приятный носу коктейль. Уюта добавляют завывание ветра и малиновые, постепенно гаснущие блики заката в окне. Весь день барабанил снег с дождем, а под вечер вдруг ударил морозец, поднялся ветер, и пробились сквозь морок закатные сполохи. И сразу чувство уюта... хорошо! Да, еще маленькая сизая елочка у окна, с единственным золотым шаром. Причем живая, в кадке, в роли домашнего цветка. Новый год все-таки.

В выключенной духовке доходит до полной готовности блюдо с экзотическим названием *бирьяни*. Снег, ананас, *бирьяни* и тринадцатое января на календаре...

Что бы это все значило, возможно, спросит читатель. И ответит сам себе, загибая пальцы: во-первых, старый Новый год; во-вторых, романтик ждет любимую женщину или, наоборот, романтически настроенная женщина ждет любимого мужчину; в-третьих, мизантроп собирается отмечать сам, а три бокала на кривом столике — для дополнительной радости, как напоминание, что никто не припрется! Тем более в один из бокалов налито вино, и он, хозяин, время от времени меж до-

машних забот делает глоток-другой. Больше никаких интересных мыслей.

На самом деле ни то, ни другое, ни третье. На самом деле мужчина, далекий от романтики, приземленный реалист и где-то циник, ожидает друзей на ужин. То, что при свете камина — никакая не романтика, а досадная случайность, из-за перегоревших пробок. Вырубил буквально пару часов назад, угораздило же! Вот так и получилось. Часто мы неверно толкуем происходящее и смыслы: смотрит печально, глазки опущены, общая интересная бледность... ах, что же случилось? Несчастливая любовь? Ограбили? Выгнали с работы? На самом деле болит живот.

Не тот Дима Шука человек, чтобы гулять на старый Новый год при свете камина! Как художник, он любит, когда много света. Нет, оно бы и ничего раз в году, но все-таки темновато, особенно на кухне, куда свет от камина добивает слабо, — все летит на пол, рассыпается и хрустит под ногами, отчего идет мороз по коже. А свечей нет, никто не предполагал и не закупил, приходится действовать с фона-

риком, а он старый, и его нужно все время трясти, чтобы оживить батарейку. Хорошо все-таки, что есть камин! Гордость Димы и мечта всей его жизни. Последнее с себя снял, образно выражаясь, и отдал! Хорошо, что в лесу полно дров.

Дима живет на краю Ельницы, одичавшего лесопарка, который постепенно застраивается коттеджами и виллами. Цена на землю запредельная, а ему обломилось почти задаром. Махнулся с гражданской женой: ей Димина двушка в центре, ему развалюха ее покойной бабушки. Они продержались вместе полтора года, большой срок для художника, ведущего богемный образ жизни. Да и то исключительно благодаря терпению и добродушию этой женщины — она все надеялась воспитать из него примерного мужа, который ночует дома, носит тапочки с помпонами и не спит до обеда.

Богемный... Что представляет себе читатель, когда слышит про «богемный образ жизни»? Ну, как водится, оргии, тройки с бубенцами, шикарные женщины, лиловые негры, Париж... каждый — свое, вспоминая иностранных классиков. Это не про

Диму. Дима Шука — фамилия такая, если что, — прост как лопата и незатейлив как грабли. Ходит в растянутом свитере и потертых джинсах, так как ему плевать на внешний вид; непредсказуем и на окружающую действительность смотрит с точки зрения цвета и формы. Причем при виде чего-то интересного уставится, замрет, даже рот раскроет, а пальцы уже ощущают кисть. Еще добавить сюда громкий, сильный, очень неприятный голос, особенно при волнении, тем более никаких сдерживающих центров — выбрасывание всего, что в мыслях.

Все это производит странноватое впечатление на тех, кто мало знаком с Димой, а те, кто знаком хорошо, не обращают внимания, потому что парень он добродушный, незлой и хороший товарищ. И художник отличный, можно сказать. Женщины его любят, так и летят как пчелы на мед, строят планы при виде простецкой Диминой физиономии. А все почему? Да потому, что Дима красив, этого у него не отнять. Рост, разворот плеч, локоны, глаза цвета болотного мха, метровые ресницы, бровка играет... как взглянет исподлобья

и усмехнется... а-а-а! Причем без всякого умысла с его стороны, он даже не подзревает! А сердце замирает, и руки сами тянутся схватить и оставить себе. Но потом начинаются неожиданности...

Да, так о чем мы? Поменял свою двушку в центре на старый перекошенный домик Бабы-яги, чудом не падающий под снегом или в непогоду. Но... лес вокруг! Одичавший сад с корявыми яблонями и булькающим ручьем, а под самым раскидистым деревом полянка-пятачок с ландышами! Диме повезло — они разбегались весной, и бедная женщина, ни на что не надеясь, предложила ему съездить посмотреть на дом...

Дом! Громко сказано. Дима поехал, исключительно чтобы напоследок сделать ей приятное, а еще не сумел убедительно отбрыкаться. Был конец мая, вечерело, из леса тянуло сыростью и прохладой; он споткнулся на неровной веранде, заглянул в трухлявые сенцы, стукнувшись головой о низкую притолоку; постоял посередине комнаты с кривыми стенами и тусклыми оконцами. Потом зашел за... дом, с позволения сказать, встал там, озираясь, и тут

вдруг... о чудо! — упоительно-сладкий зеленый дух цветущих ландышей накрыл его с головой. У него даже слезы навернулись и мороз по коже... аллергия, не иначе. Он стоял и вдыхал... вбирал в себя дух ландышей, а слух уже различал плеск ручья, писк потревоженной птицы, шорох листьев...

...Дима открыл духовку и вытащил чугунный казанок. Приподнял крышку, заглянул, потянул носом и решил, что *бирьяни* готово... или готов — черт их разберет, эти лексические заимствования. Выключил газ. Зачерпнул ложкой, попробовал, охнул и зашипел — горячо да и перец! Потом разложил на журнальном столике сувениры и кипу рисунков, сел на диван, отпил из бокала и принялся ждать гостей.

Он задремал, и перед мысленным взором замелькали немые картинки, как в слайдоскопе: клац, клац, клац...

Клац! Сползание по трапу на полусогнутых в ослепительное солнце, море света, незнакомые запахи и горячую парниковую влажность. Белозубая улыбчивая красотка-таможенница в белом сари с золо-

тыми погонями; он сам с открытым ртом, застывший, потрясенный; возвращающий в реальность тычок Артура в спину...

Клац! Мгновенный холод аэропортовского павильона, сумасшедшие запахи благовоний — ванили и сандала, пестрый человеческий рой, смуглые усачи в военной форме с золотыми аксельбантами, шлепок штампа в паспорт. Слезы восторга и шмыгание носом от обилия впечатлений...

Клац! Толпа встречающих, гид, небольшой, очень смуглый, в белом костюме и черном тюрбане, с плакатом, где перевранная до полной нечитаемости фамилия: «Mr. Golyvayts» вместо Головатый. Дима ухмыльнулся во сне...

...Разбудил стук в дверь — звонка не было, и вешать Дима не собирался, так как его эстетическое чувство восставало против искусственных звуков в природной среде, как он объяснял тем, кто спрашивал. Самое главное в его жизни — камин, а еще студия, пристроенная с восточной стороны, почти полностью стеклянная, а щелястые окна, волнистая крыша, скрипучий гуляющий пол — так не суть. Не нравится — не смотрите. Тем более звонок!

Он открыл. Это были Эля и Лапик, ожидаемые друзья. Эля в шубке и белой вязаной шапочке с помпоном, денди Лапик в дубленке и клетчатом кепи. Ну, как водится, радостный визг Эли насчет Диминого загара, общего возмужания, выгоревших локонов и белой ситцевой туники с разрезами, расшитой по вороту золотыми восточными узорами, с ситцевыми же штанами-алладинами, синими, в восточных огурцах. Лапик снисходительно улыбался...

Лапик — образец такта, выдержки и манер, и похож он на классического англосакса с английским юмором, в клетчатом кепи с ушами... у него даже трубка есть, хотя он не курит, — для имиджа. Достоянейший человек! Пять иностранных языков, интеллект, лоск... Переводчик. Они с Элей коллеги... гм... даже больше, правда, уже в прошлом. Сейчас просто друзья. У Лапика... — вообще-то он Леонид — семья, дети, жена... собака, наконец. А Эля — в вязаной шапочке с помпоном!

Правдоруб Дима однажды сказал, что она похожа на шкафную моль, понимай, такая же бесцветная, причем одежда в масть. Но человек хороший, гуманистка, подки-

дывает на приюты для бездомных животных. У Димы руки чешутся «накрасить ей физию»... Он так и говорит: «Эль, ну давай, а? Тени, чуток пастелью, задатки у тебя нормуль, выделим глаза, скулы... ну хоть разочек, а?» Но Эля только отмахивается. Кстати, Лапика Дима набросал на ходу, за пару минут: с большим аристократическим носом, иронически приподнятой бровью, в клетчатом кепи и с трубкой в зубах. Лапик поморщился, дернул бровью, но был польщен.

— Димыч, ну ты устроил! — иронически произнес он, стаскивая с Эли шубку. — Вот так, ни с того ни с сего, рвануть на край света! Но если честно, я тоже не отказался бы, и вообще...

— И я! — вылезла Эля. — А то этот снег с дождем достал уже! Там хоть тепло? Ты похудел, и загар шикарный! Одежда откуда? Красивая туника! Штаны просто класс! А почему ты босиком? В Индии так ходят?

— Тепло?! — Дима захохотал. — Плюс пятьдесят и влажность сотка! Не, это я случайно. Один сандаль залетел под диван, не успел достать. Прошу! — Он сделал размашистый жест рукой. — *Бирьяни* ждет!

— Кто ждет? Ой, а почему темно? И чем это пахнет?

— Индийское национальное блюдо, — объяснил Лапик. — Вроде плова. Пахнет благовониями, вон дымится, видишь? В банке из-под майонеза. Действительно, а почему темно? Для романтики?

— Пробки вырубил, будем гулять с камином. Свечек тоже нету.

Лапик уселся на диван, рассмотрел три бокала и спросил:

— Нас трое? А Неда?

— Укатила к дойчам, там у нее сестра.

Неда — подруга Димы, они то разбегаются, то сбегаются...

— Ну и прекрасно, мы своей компанией, — сказала Эля. — Ой, ребята, я так рада! Димочка, ты какой-то другой, загорел... и эта туника! А штаны вообще отпад! Экзотика! И благовония, и ананас...

— Вы еще вместе? — спросил Лапик. — Интересный запах! Сандал?

— Сандал! Там везде палочки понатыканы, курятся из каждой щели. Сандал самый тонкий... до слез прошибает! Пока вместе... вроде бы. Не знаю, если честно.

— Не будем о грустном! — сказала Эля. — Можно мне вина? Ой, котик! Какой большой! Мой Атос тоже вырос. Гарфилд, кажется? — Она погладила кота, спавшего за подушкой. Тот проснулся, потянулся и полез к ней на колени.

— Ага, Филька. Гони его, он линяет! Брысь! — Кот и ухом не повел.

— Зимой?

— Все время. Витаминов, видать, не хватает. Купил ему рыбий жир — не пьет, зараза! Поцарапал, — Дима показал след на руке.

— Может, хватит? — не выдержал Лапик. — Рассказывай лучше про Индию! Кстати, там у тебя бутылки на веранде, забыл?

— Почти две недели в Индии! — вздохнула Эля. — Я бы не отказалась. Какие бутылки? Я не заметила.

— Не забыл, холодильник навернулся. Я бы еще остался, честное слово! Это абсолютно другой мир, опомниться не могу! До сих пор перед глазами! Заболел прямо.

— Образно выражаясь, — пояснил Лапик. — Все, кто там был, мечтают вернуться.

— Я тоже мечтаю! Там такие краски, цветы... а женщины! В сари! Есть в европейских шмотках, но большинство в сари. Думаю, через год, сейчас лучшее время, а то летом ливни. А это вам, сувениры!

Дима протянул одну из пестрых торб с журнального столика Эле, другую Лапику.

— Ой, спасибо! — вспыхнула Эля. — Что это? — Она достала из торбы бледно-голубую ткань, развернула и ахнула: — Платье?! Ты подарил мне платье? Какая прелесть! С вышивкой! Димочка, спасибо! — Она вскочила и расцеловала его.

Лапик меж тем вытащил из своей торбы бронзовую статуэтку танцующего божества.

— Шива Натараджа! Спасибо, Димыч! Прямо не знаю... угодил! То, что называется идеальный подарок! Поставлю у себя в кабинете. Как подумаешь, какая страшная древность... и до сих пор живо. Позы, танец... совершенство!

— Элька, надевай давай! — скомандовал Дима. — Увидел на манекене и подумал: как раз для тебя. Это их ткацкие промыслы, тонкий хлопок, расшитый шелком. На плечах бантики.

— Прямо сейчас?

— Ну! Иди в спальню!

Эля удалилась. Мужчины остались одни. Дима разлил вино.

— За возвращение!

Они выпили.

— Поверишь, я еще там, — сказал Дима. — Никак не привыкну... Это другая планета! В гостинице на нас надели гирлянды из желтых цветов, прикинь? Аж голова кругом. И женщины потрясающие! Идет... как натянутая струна! Гид сказал, генетика, привыкли таскать на голове тяжести. Походка... танцуют! В сари... как оно только на них держится! Пять метров! Яркие насыщенные тона... красный, синий, оранжевый, голубой... прямо радость на душе! В золоте, звенят браслетами, сизый дым... благовония везде! Ваниль, сандал, кориандр... Я три дня чихал, пока привык. Базарчики, горы фруктов... краски обалдеть! Сумасшедшие колера! Галдеж, гомон и ко-

ровы на улице... прямо в Дели! С колокольчиками и золотыми рогами! И не боятся ни хрена, лежат себе поперек улицы, их угощают... банан, кусок дыни, лепешка. Темно-коричневые, шерсть блестит! Жуют, глаза бархатные... Корова как идея красоты, а не кусок мяса. А в храм можно только босиком, мрамор от солнца раскаляется, надо прыгать... обжег ногу на хрен, потом хромал целый день. Полно статуй богов, запахи опять аж до слез, струйки тянутся к потолку. Приношения горкой — рис, цветы, разноцветные нитки, бусы. И лингам! — Дима понизил голос. — Знаешь, что такое лингам?

— Знаю, — сказал Лапик. — Камасутра, секс как искусство...

— Точно! И перед ним тоже гора подарков, просят детей и мужской силы, представляешь? Храм любви... Ну, скажу я тебе... тысячи лет, кто построил, не знают, в джунглях... обезьян полно, так и кидаются, одна сперла у меня очки, покусала и выбросила! Там такие позы... я глазам не поверил! Акробатика! — Дима оглянулся на дверь спальни. — Наш секс и близко не стоял! Все другое, даже глазам больно. Храмов

полно, сумасшедшая древность! Бродячие факиры с коброй, и она танцует... жуть! Говорят, им зубы вырывают. Глаза разбегаются, привез рисунки... сотни три...

Скрипнула дверь, и появилась сияющая Эля в голубом платье! Мужчины уставились одобрительно; Эля, сделав книксен от смущения, сказала:

— Вообще-то оно летнее! Как я вам?

— Элька, это твое! Димыч, молодец! — похвалил Лапик. — Прекрасное платье... и эти бантики на плечах! А вышивка...

— Бретельки можно поднимать и опускать, — сказала Эля. — Очень удобно.

Она стояла перед ними как на сцене, тощенькая, с очень белой кожей и взъерошенными перышками на голове, разведя руки в стороны, напоминая страшненькую дизайнерскую куклу. Дима вытащил из кармана штанов синий атласный мешочек и вытряхнул на ладонь бусы, сверкнувшие в бликах камина, протянул Эле:

— Это тоже тебе! Аметисты и сандал. Камни практически нешлифованные и резные бусины...

— Какая прелесть! Димочка, это же страшно дорого! — Она надела бусы, потянула носом: — Как пахнут! И тяжелые...

— Не очень дорого, там сухой закон. За банку отдают полбазара, — простодушно объяснил Дима; Лапик ухмыльнулся. — Артур меня чуть не прибил! Он считает, что от заразы надо было принимать прямо с утра. А я как увидел... это шедевр! Какой-то уличный торговец, за копейки! И фигурок полно, будды, слоны, божества из нефрита, сандала, мрамора... Я выменял Ганеша с головой слона! Из мрамора. И бусы тоже себе взял, сейчас! — Он достал из кармана еще один атласный мешочек, красный, вытащил бусы, надел. — Разноцветный агат. Он мне еще серьгу подарил, надо будет проколоть ухо. Мы *типа* подружились... маленький, черный, зубы белые...

— Одну?

— Ну! Одна даже интереснее. Хороший народ, смеются, спрашивают откуда... Нищих много, живут в коробках... мы проезжали на автобусе. — Дима вздохнул. — Элька, не замерзнешь?

— Нет! — Эля уселась на диван. — Шикарно смотришься в бусах, Дим. А мне вина? Теперь хочу рисунки!

...Они рассматривали, Дима объяснял:

— Это Тадж-Махал, Агра. Один как будто висит в воздухе, другой отражается, вон длинный водоем, как в зеркале. Построил царь Шах Джахан в честь любимой жены Аз-Мумтаз. Любовь была страшная, двадцать детей! У чувака целый гарем, а он всю жизнь любит одну. Аж мороз по коже. Попросил сына построить ему такой же, только черный, напротив. Тот обещал, но не построил. Я бы лично делал сразу на двоих, детям пофиг. Белый мрамор, инкрустация кабошонами... аметисты, гранаты, опалы, причем внизу выковыряны, куда народ лапами достал. Я как сел на траву, так сразу и отключился. Нирвана! Нет таких слов, понимаете? Я и Тадж-Махал. Ничего не соображал, только смотрел... челюсть отвесил. Говорят, симметрия до миллиметра, я вообще-то не люблю, но... но... не передать! Спустился в подвал, там ее гробница, а рядом его, сдвиг в симметрии. Я и понятия не имел, что там правили моголы, Агра была ихняя столица.

Думал, всю дорогу индусы. Арик сказал, если я сию минуту не встану, он уедет на фиг один. Я его послал и хотел остаться на ночь, говорят, в лунном свете нереальная фантастика, но там закрывали и нас вып... вывели. Шел и оглядывался... до слез! Покаялся себе, что вернусь! Подохну, а вернусь!

Дима прерывисто вздохнул; Эля погладила его по голове...

— Это корова! Это дормен в униформе, это женщина из гостиницы, увидела, что я набрасываю, остановилась... улыбается. Это Арик в гирлянде, хотел снять, сказал, что выглядит как идиот в цветочках. А я свою носил до вечера. Это свадьба... невеста в красном, море цветов... Это слон! Арик катался, говорит, страшновато, высоко и качает! Здоровый такой слонище, сверху ковровая попона и будка с сиденьем, всё в бусах, гирляндах... культ животных! Вот Арик наверху, вцепился, морда кислая. Это обезьяны, мелкие, как кошки, шустрые, так и сигают. Трогать нельзя, священные твари, верещат, прыгают... в любом парке десятки! Говорят, съедают половину урожая. Это Красный форт, дво-

рец... не помню чей, там их полно. Храм!
А вот это... Кто знает, что это?

— Железная колонна, должно быть, —
сказал Лапик, рассматривая набросок. —
Кутб-Минар.

— Точно, — разочарованно сказал
Дима. — Откуда ты знаешь?

Лапик загадочно улыбнулся и промол-
чал.

— Он у нас все знает, — сказала Эля. —
Страшно умный. Эн-цик-ло-пе-дист. А что
за колонна? В чем прикол?

— Полторы тысячи лет, и не поржавела.
Чистое железо! Говорят, из космоса. Полу-
чить такое на Земле нереально даже сейчас.

— Ага, интересно. А настоящего йога
видел?

— Видел! Красавец мужик, аж не верит-
ся, что такие бывают, весь в белом... гла-
зищи, брови, статья... Как глянет, аж мороз
по шкуре! У нас в гостинице был прием,
ну, там фонтан, живая музыка, снэки...
Рассказывал про йогу, говорит, хрен у вас
в Европе, а не йога, разве что нос полоскать
соленой водой от насморка. Генетика не та,
дух не тот, мозги тоже не те... сильно много
суетитесь и жрете!

— Между прочим, я состоял в обществе Рериха, — заметил Лапик. — Еще студентом. Люблю его картины.

— Ну да, ничего, — согласился Дима. — Передают атмосферу. А еще танцы! Ну совсем не так себе представлял! Думал, вроде фольклорного балета, а на самом деле крупные тяжелые тетки, бьют босой пяткой в пол, аж гудит все! Браслеты звенят, колени полусогнуты... пластика сумасшедшая! Даже глазами танцует! Я ее тоже набросал... в разных позах! Танец как тяжелая работа, ритуал... и древность страшная! — Дима нашел рисунки. — Вот!

Некоторое время Лапик и Эля рассматривают рисунки танцовщиц...

— Я тоже представляла их иначе, — сказала Эля. — А чем вас кормили?

— Рис, баранина с овощами, буйвол... все горит, глаза на лоб вылазят! Я как хватанул в первый раз, думал, все, хана! Еле отдышался. Потом привык. Картошка у них тоже есть, я и не знал, думал, один рис. Хлеб как полый шар, надкусишь, и воздух выходит. А манго лясси! Нектар! Между прочим, я вам приготовил блюдо, специально записал рецепт. Только, наверное,

карри многовато, привез целую банку. Эль, доставай тарелки!

— Мы тоже кое-что прихватили! — Леонид поднялся. — Элька захотела шампанское и торт. Я пока вынесу на веранду, пусть остынет.

Дима достал из духовки казан с индийским блюдом и стоял, держа на весу; он крикнул Эле, чтобы достала блюдо, быстрее, а то горячо! Опрокинул казан над блюдом и потряс.

— Пахнет вкусно, — заметила Эля. — А какое мясо?

— Черт его знает, купил какое-то на базаре... вроде свинина. Главное — карри. Тарелки нашла?

— Нашла. Что еще?

— Овощи-гриль, купил в полуфабрикатах, еще копченое мясо и хлеб! Садимся!

— Знаете, если гостиница попроще, то можно сэкономить, так студенты катаются, — сказал Дима, когда они уселись вокруг журнального столика. — А пожрать можно и фрукты с базара, бананы, там, манго, лепешку купить. А воду надо в бутылках, заразы полно. Им ничего, а нас может прихватить. Арик снобьяра еще та, гостиницы

минимум четыре звезды, то, се, *типа* надо для представительства. Чаевые кидал нехилые, а когда обслуга расшаркивалась, мол, мистер, сэр, *сааб джи*, сенк ю вам до самого пола, он аж таял! Корчил миллионера, а они четко просекают, подыгрывают, а он и рад.

— Можно узнать, какова была цель вашего путешествия? — спросил Лапик. — С чего вдруг Индия? Твой Артур Головатый торгует антиквариатом, насколько я помню.

— Точно! У него магазин «Старая лампа», — вылезла Эля. — Я была!

— Ну да, антиквариатом. А сейчас хочет начать торговлю всяким барахлом, познакомился в инете с какой-то индийской компанией, они позвали, оплатили пять дней в Мумбае и перелет. А мы сначала в Дели и Агру за свой кошт, чтоб осмотреться, потом к ним. Я *типа* консультант, Арик в искусстве не шарит, и вкусы жлобские.

— Какие именно товары?

— Поделки из дерева и камня, украшения, фигурки, посуда... и еще что понравится. Платья, например.

— Думаешь, пойдет у нас?

— Хрен его знает! Если бы не поехал, ни за что не купился бы. А так... мне все у них нравится! Я подсказал кое-что, сумки из верблюжьей кожи, специи, четки из сандала, шкатулки... шелковые платки тоже. Экзотика, одним словом. Арик считает, что пойдет. Посмотрим. — Дима помолчал. — Так! Все стынет, берем и накладываем! — скомандовал он. — Самообслуживание. Кому чего налить? Элька?

— Мне белое! Ну-ка, ну-ка, что за штука! — Эля попробовала *бирьяни*, охнула и замахала руками.

— Я же говорил, не хапать сразу, — сказал Дима. — Понемножку! На, запей!

— За возвращение! — Лапик поднял бокал с красным. — Завидую белой завистью, Димыч.

— Можем махнуть вместе, — сказал Дима. — Я по-любому туда вернусь.

— И я с вами! — сказала Эля охрипшим голосом, утирая слезы. — Хочу посмотреть на йога и Тадж-Махал. И на священных ко-ров.